

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ЕГО РОЛЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЕРОЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Ходжаева Н.Т.

Научный руководитель, доцент кафедры
методики русского языка Ферганского
государственного университета
Абдуллаева Насибахон Алижон кизи
магистрант 1-курса Ферганского государственного
университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20196259>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 10-may 2026 yil
Ma'qullandi: 12-may 2026 yil
Nashr qilindi: 14-may 2026 yil

KEYWORDS

психологическое время,
Достоевский, «Преступление
и наказание», Раскольников,
внутренний монолог,
субъективное время,
поэтика..

ABSTRACT

В статье рассматривается роль психологического времени в поэтике романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Анализируются основные формы субъективного переживания времени Раскольниковым: ускорение накануне преступления, темпоральный распад в момент убийства, хаотичность слепопреступного сознания и особая логика времени в сновидениях.

Среди множества художественных приёмов, которыми Ф.М.Достоевский пользуется для изображения внутреннего мира своих героев, психологическое время занимает особое место. Под психологическим временем понимается субъективный способ переживания времени персонажем, который может существенно расходиться с объективной хронологией событий. М.М. Бахтин, исследуя поэтику Достоевского, указывал, что сознание его героев «живёт на пороге»¹: оно всегда находится в точке кризиса, в моменте предельного напряжения, когда само течение времени подчиняется внутреннему состоянию человека, а не внешнему ходу событий. Именно поэтому анализ психологического времени открывает один из наиболее прямых путей к пониманию того, как устроен внутренний мир Родиона Раскольникова.

Уже в первых главах романа бросается в глаза характерная особенность: герой существует в состоянии темпоральной лихорадки. «Он был должен сделать одно дело, и тогда всё кончится»² - эта внутренняя установка определяет ритм жизни Раскольникова в дни, предшествующие убийству. Психологическое время в этот период движется неравномерно: оно сгущается в моменты максимального внутреннего напряжения и как бы исчезает там, где напряжение спадает. Герой не способен последовательно мыслить, его внутренние монологи обрываются на полуслове, решения принимаются и тут же отменяются. Достоевский намеренно не фиксирует точное время суток, не выстраивает чёткой хронологии этих дней - и тем самым воспроизводит саму структуру аффективного сознания, которое не живёт в объективном времени.

Момент убийства является кульминацией темпоральной деформации. Т.А. Касаткина точно определила это состояние как «выпадение из времени»³: Раскольников действует как в тумане, детали происходящего не удерживаются сознанием, и после убийства он сам не может восстановить последовательность своих действий. Психологическое время в этот момент не просто деформировано - оно разрушено. Между замыслом и его исполнением нет ничего, что сознание способно было бы описать изнутри. Это не литературный приём ради эффекта неожиданности, а глубоко психологически точное наблюдение: человек в состоянии аффекта утрачивает власть над собственным временем, оно словно действует помимо него.

В.Я.Кирпотин, исследуя логику внутреннего распада Раскольникова, обращал особое внимание на послепреступный период как на время, в котором герой оказывается в своеобразной ловушке⁴. Он уже не может вернуться в прошлое, однако не способен двигаться и в будущее, потому что любой следующий час воспринимается им как шаг к неминуемому разоблачению. Психологическое время стягивается к точке настоящего и превращает существование героя в непрекращающуюся пытку ожидания. Раскольников с трудом восстанавливает, сколько дней прошло с момента убийства, он несколько раз переспрашивает об этом у других людей - и их ответы всякий раз его удивляют. Эта неспособность ориентироваться в объективном времени является симптомом нравственного и духовного распада, который Достоевский передаёт не через прямое авторское суждение, а через темпоральное поведение героя.

Болезнь, охватывающая Раскольникова вслед за убийством, переводит психологическое время в пространство бреда, где оно существует по совершенно иным законам. В горячечных видениях прошлое и настоящее сосуществуют одновременно, причинно-следственные связи разрушены, образы преступления возникают снова и снова, не давая сознанию закрепиться в настоящем. Этот бред является не просто медицинским явлением, но художественным воплощением той истины, что психологическое время человека, совершившего преступление против собственной природы, теряет линейность и замыкается в болезненный круг.

Особое место в системе психологического времени романа занимают сновидения Раскольникова. Б.Н.Тихомиров убедительно показал, что сны у Достоевского не иллюстрируют психологическое состояние героя, а непосредственно его конституируют⁵. Сон о забитой лошади, приснившийся накануне убийства, переносит Раскольникова в детство - то есть психологическое время сна движется не вперёд, а назад, к моменту, когда нравственное чувство было живым и не подавленным теорией. Проснувшись от этого сна, герой думает, что больше не сможет убить, - и это именно потому, что сон вернул ему прежнее «я», для которого убийство было невозможно. В свою очередь, бредовые видения во время болезни и финальный сон о трихинах на каторге замыкают темпоральную арку романа: если первый сон возвращает в детство, то последний разворачивает психологическое время до апокалиптического масштаба, когда вопрос о преступлении одного человека перерастает в вопрос о судьбе человечества.

Психологическое время Раскольникова приобретает особый смысл в сравнении с темпоральным переживанием других персонажей романа. Соня Мармеладова живёт в условиях не менее тяжёлых, однако её психологическое время устойчиво и открыто - она

не выпадает в беспамятство, не теряет ориентацию в настоящем, не замыкается в круге собственных мыслей. Порфирий Петрович, напротив, управляет психологическим временем намеренно и расчётливо: он создаёт паузы там, где Раскольников их не ожидает, и ускоряет разговор там, где герой рассчитывает на передышку. Таким образом, сопоставление темпоральных режимов трёх персонажей выявляет ту систему ценностей, которую Достоевский предпочитает не формулировать прямо, но воплощает в самой структуре повествования.

Итак, психологическое время в «Преступлении и наказании» является одним из ключевых инструментов поэтики Достоевского. Через его деформации - ускорение, разрушение, хаотичность, особую логику сновидений - писатель создаёт психологический портрет человека в состоянии духовного кризиса точнее и глубже, чем это позволяет сделать любое прямое авторское высказывание. Деформации субъективного времени не случайны и не произвольны: каждая из них соответствует определённой стадии внутреннего пути Раскольникова и несёт самостоятельную смысловую нагрузку. В этом смысле психологическое время в романе - не фон и не техника, а сам способ существования героя.

Список использованной литературы:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973.
3. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского: типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996.
4. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Советский писатель, 1970.
5. Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. СПб.: Серебряный век, 2005.
6. Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л.: Наука, 1987.
7. Гус М.С. Идеи и образы Ф.М. Достоевского. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1971.
8. Ермилов В.В. Ф.М. Достоевский. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
9. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М.: Советский писатель, 1989.
10. Мочульский К.В. Достоевский: жизнь и творчество. Париж: YMCA-Press, 1980.
6. Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984.
7. Чирков Н.М. О стиле Достоевского: проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967.